
КАПЛИ
НА СЕРДЦЕ
У каждой тайны есть шаг,
И он звучит всё ближе
АРИЯ КОВАЛЬ
18+

Тени прошлых нас

Ария Коваль

Капли на сердце

«Автор»
2026

Коваль А.

Капли на сердце / А. Коваль — «Автор», 2026 — (Тени прошлых нас)

Закончив престижную академию, Эвелин Флетчер вместе с лучшим другом начинает стажировку в крупной маркетинговой компании.Острый ум и креативный подход помогают ей быстро справляться с проектами и находить свое место в новом кругу общения.В жизни Эвы появляются люди, рядом с которыми она впервые за долгое время может почувствовать себя в безопасности. Ее окружают дружба, забота и трепетные отношения — кажется, все складывается так, будто она наконец попала в историю со счастливым концом.Но что скрывается в прошлом Эвелин? Почему она вздрагивает от внезапного стука в дверь и тревожится, получив сообщение? Тайны, которые Эва пыталась оставить позади, возвращаются, грозя разрушить хрупкое спокойствие.Это история о любви и утрате, семейных тайнах и выборе себя. О людях, которые становятся домом, — и о тех, кто когда-то им был.

© Коваль А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Капли на сердце 6
От автора 8
Предупреждение о содержании 9
Пролог 10
Глава 1 12
Глава 2 18
Глава 3 24
Глава 4 29
Глава 5 35
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Капли на сердце

Капли на сердце

От автора

Все персонажи и события этой книги вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми или историями случайны — даже если вам покажется, что вы узнали в ком-то знакомого. Не спешите предъявлять ему счет за поступки героя.

Эта история затрагивает тяжелые темы, которые могут быть непростыми для восприятия. Если вам понадобится сделать паузу, пожалуйста, воспользуйтесь этой возможностью. Книга никуда не убежит. В отличие от некоторых ее героев, она умеет подождать.

И еще одно: это не сказка, поэтому обещать счастливый финал я не стану. Его не будет. Здесь не все раны заживают, не каждое прощание превращается в новое начало, а любовь не всегда может все исправить. Иногда лучший исход — не тот, где все обретают свое «долго и счастливо», а тот, где человек находит силы сделать следующий шаг.

«Капли моего сердца» это первая часть дилогии. История Эвелин продолжится во второй книге.

Спасибо, что отправились в эту историю вместе со мной. Приятного чтения!

Предупреждение о содержании

В книге присутствуют откровенные сцены, эпизоды насилия и сцены смерти. Также затрагиваются темы утраты, горя, психологических травм; упоминаются попытки самоубийства.

Некоторые сцены и темы могут вызвать сильные эмоции или оказаться тяжелыми для восприятия.

Пожалуйста, учитывайте это, приступая к чтению.

Берегите себя.

Пролог

Я выбегаю из дома, не успев закрыть дверь.

Холод ударяет в грудь. На мгновение воздух заканчивается — я открываю рот, но вдохнуть не получается. Под босыми ногами хрустит ледяная корка.

На мне только тонкая футболка и домашние шорты.

— Вернись, дурная! Не хватало еще, чтобы ты заболела.

Его голос догоняет меня у ступеней. Я вздрагиваю и едва не падаю, цепляясь ладонью за перила.

Не оборачивайся.

Во дворе темно. Свет из открытой двери ложится на дорожку длинным прямоугольником. Я тороплюсь выйти за его край, хотя за ним негде спрятаться.

— Ты хоть понимаешь, какой сейчас холод? Немедленно вернись.

Ступни обжигает так сильно, будто я наступаю не на лед, а на раскаленный металл. Мартовский ветер забирается под футболку.

Я проверяю карманы шорт, хотя знаю, что они пустые. У меня нет телефона. Нет ключей.

За спиной слышатся шаги.

Я добираюсь до дерева у ограды и прижимаюсь к стволу. Шершавая кора царапает плечо. До ворот еще далеко, а ноги уже начинают неметь.

В соседнем доме горит свет в окне. Я смотрю на него, пытаясь вспомнить имя женщины, которая живет там. Мы здоровались. Однажды она спросила, не холодно ли мне без шарфа.

— Посмотри, до чего ты себя довела, — произносит он. — Стоишь босая на льду. А потом кто будет тебя лечить?

Он спускается на одну ступень.

Я отступаю.

— Не подходи.

Слова выходят едва слышными. Я сама удивляюсь, что смогла их произнести.

Он останавливается и тяжело вздыхает.

— Опять эти больные фантазии. Тебе снова кажется, что кто-то хочет причинить тебе вред?

Я сжимаю край футболки. Хочется возразить, но я не могу подобрать слов, которые он не повернет против меня.

Он смотрит на мои босые ноги, затем поднимает глаза.

— Видимо, придется снова ходить к психиатру, раз твои эпизоды вернулись. Я-то думал, мы с этим справились.

В окне соседнего дома гаснет свет.

Я продолжаю смотреть на него еще несколько секунд.

— Давай в дом. Хватит закатывать истерику. Ты не сделала задание, которое я тебе дал, поэтому никаких походов в гости. Возвращайся, я приготовлю горячий чай, чтобы ты не подхватила простуду.

Зубы стучат так сильно, что больно челюсти. Я разжимаю пальцы и отхожу от дерева.

Он прав.

Мне некуда идти. Даже если я доберусь до ворот, за ними ничего не изменится. Кто-нибудь увидит меня, вызовет помощь, а он спокойно объяснит, что произошло. Расскажет о моих *эпизодах*. Принесет обувь и укроет плечи.

Я делаю шаг к дому, потом еще один.

Я прохожу мимо, стараясь его не задеть.

В прихожей слишком тепло. Оттаивающие ступни начинает колоть, и я останавливаюсь на коврике. За спиной закрывается дверь.

Сбегать бесполезно. Я еще слишком юна.

Нужен другой способ. Не несколько минут во дворе и не ночь у чужих людей.

Нужно придумать, как исчезнуть из этой реальности на длительный срок.

Глава 1

В семь утра выясняется, что у меня нет утюга.

Есть две кружки, одна кастрюля, матрас с распродажи, аккуратно застеленный новым покрывалом, и растение, которое хозяйка квартиры попросила не убивать. Утюга нет.

Я стою посреди комнаты с блузкой в руках и смотрю на складку, пересекающую ее ровно там, где она будет видна всем. Просто блеск.

Телефон вибрирует на подоконнике.

Алек: *Ты уже проснулась?*

Я фотографирую блузку и отправляю ему.

Я:*Нет. Это мой призрак готовится опозориться.*

Алек:*Не переживай. Меня будут оценивать по обаянию. Тебя — по умению выжить. Одежда в данном случае вторична.*

Я:*Спасибо. Ты умеешь поддержать.*

Алек: *Знаю. Встретимся у входа без десяти девять?*

Я: *Если победю складку.*

Алек: *Побежу.*

Почему для некоторых слов существуют десятки правил, а для момента, когда мне нужно заявить о намерении одолеть несчастную складку, не находится нормальной формы? На корректное употребление всех этих конструкций можно потратить жизнь.

Я: *Ты прекрасно понял, мистер академик.*

Алек: *Вот теперь точно проснулась.*

Мы с Алеком дружим уже три года. Вместе учились, познавали прелести студенческой жизни, проводили выходные с его семьей. Теперь мы собираемся вместе проходить стажировку в крупной компании по маркетингу и пиару.

В ванной включаю горячую воду, вешаю блузку подальше от брызг и оставляю ее отпариваться. Пока зеркало медленно затягивается белёсой дымкой, проверяю сумку.

Документы. Блокнот. Две ручки. Зарядка. Кошелек. На всякий случай еще один блокнот. Паспорт. *Эвелин Флетчер*. Скорее бы его заменить, красивая обложка не выручает.

В пригласительном письме написано, что первые дни стажировки будут посвящены адаптации. Формулировка вежливая и пугающе расплывчатая. Под ней может скрываться что угодно: от знакомства с проектами до трех недель сортировки таблиц.

Пока блузка приходит в приемлемое состояние, я завариваю гречишный чай и ем тост прямо над тарелкой. От кружки поднимается теплый, чуть вишневый аромат. Кухонный стол шатается, если опереться на левый край. Вчера я подложила под ножку сложенный рекламный буклет, но сегодня он пропал без вести.

Допив чай, я замечаю на полу рядом с растением забытую упаковку удобрений. На ней обещают активный рост, насыщенный цвет и укрепление корневой системы. Мне бы такую.

Я перевожу взгляд на листья.

— Хотя бы ты здесь должен процветать.

Растение молчит. Вероятно, не хочет брать на себя лишних обязательств.

Через двадцать минут я уже одета: светлые брюки высокой посадки, оливковая блузка, ремень в тон блузке. Серьги маленькие, обувь достаточно удобная, чтобы не пожалеть о выборе на третьем этаже.

Я останавливаюсь перед зеркалом у двери и поправляю воротник.

Темные волосы собраны в высокий пучок, но несколько прядей уже выбились у висков. Приглаживаю их пальцами — без особого успеха. Серо-голубые глаза сегодня кажутся светлее

обычного. Возможно, дело в блузке. Или в том, что я слишком внимательно разглядываю себя, пытаясь найти хоть что-нибудь, что еще можно исправить.

Густые брови придают лицу решительность, которую я сейчас не вполне ощущаю. Скулы и линия челюсти достаточно выражены, чтобы даже без макияжа я не выглядела сонной; пухлые губы немного смягчают эти в меру резкие черты. Я провожу по нижней губе большим пальцем, стирая лишний блеск.

Отступаю на шаг. При моем росте зеркало показывает меня почти целиком, если встать у противоположной стены. Брюки хорошо сидят на бедрах и не скрывают подтянутую фигуру. Выпрямляю спину и перестаю теребить подвеску.

В зеркале у двери отражается девушка, которую вполне можно принять за человека, знающего, что он делает. Не переживаю, что выгляжу старше своих двадцати лет.

Для первого дня достаточно.

Я выключаю свет, выхожу на площадку и запираю дверь.

На улице довольно тепло. Конец мая уже ведет себя как лето: солнце лежит на фасадах, деревья вдоль тротуара покрыты густой зеленью, а в воздухе смешиваются запахи разогретого асфальта и свежей выпечки из открытой пекарни.

Сиэтл с утра никуда не опаздывает — он просто движется так, будто медленной скорости не существует. Автобус отходит от остановки, велосипедист проскальзывает между машинами, у перехода собирается толпа. Стоит загореться зеленому, и все одновременно устремляются вперед.

Я подстраиваюсь под этот темп.

По дороге открываю сайт агентства. Не потому, что не изучила его раньше. Просто теперь фотографии офисов и описание проектов выглядят иначе: совсем скоро я окажусь внутри, а не буду рассматривать компанию как один из вариантов будущего.

В разделе последних работ — запуск гостиничного комплекса, серия мероприятий для технологического бренда, благотворительный вечер, презентация коллекции предметов интерьера.

Красивые фотографии. Хорошо выбранные площадки. Много публикаций. Но что происходило между первой встречей с клиентом и этими безупречными снимками. Сколько раз менялась концепция? Кто убедил заказчика отказаться от неудачной идеи? Что сорвалось за час до открытия?

В академии нам рассказывали о таких вещах. Иногда даже давали возможность столкнуться с ними. Здесь за ошибки платят не баллами.

Телефон снова вибрирует.

Алек:*Я на месте.*

До встречи еще пятнадцать минут.

Я:*Ты заболел?*

Алек:*Почему?*

Я:*Пришел раньше.*

Алек:*Решил начать новую жизнь.*

Я: *До обеда продержишься?*

Алек: *Ауч*

Я убираю телефон и жду, когда автобус остановится в нужном месте.

Радует, что остановка в нескольких минутах от офиса.

Алек стоит у входа, прижимая к груди два бумажных стакана. На плече висит кожаная сумка, свободной рукой он пытается достать телефон из кармана.

Заметив меня, он поднимает голову и улыбается — чуть прищурившись, с привычной уверенностью, что сейчас ему обрадуются. Темно-каштановые волосы зачесаны наверх, но

одна прядь уже выбилась из укладки. Прямой нос, четко очерченная челюсть с легкой щетиной: сегодня я почему-то замечаю, насколько взрослее он выглядит в этом костюме.

Графитовый пиджак хорошо сидит на широких плечах, белая рубашка расстегнута у ворота. Высокий, подтянутый, в начищенных туфлях — к первому рабочему дню он явно готовился. Правда, непринужденная поза и насмешливый изгиб губ немного мешают образу серьезного молодого специалиста.

Я останавливаюсь перед ним.

— Ты похож на человека, которому сегодня продадут дорогую страховку.

Он поднимает глаза.

— А ты — на того, кто ее продаст.

— Значит, у нас есть запасной план, если с практикой не выгорит.

Алек протягивает мне стакан.

— Без сахара.

Я смотрю на кофе, потом на него.

— Начинать день с кофеина — клише. Предпочитаю чистый адреналин.

— Тогда сначала зайди к моему брату. После разговора с ним этот стакан покажется тебе успокоительным.

— Ты сейчас продаешь мне кофе или отговариваешь от стажировки?

— Тренируюсь работать с возражениями.

Я забираю стакан.

— Ладно. Считай, первую сделку закрыл.

— Всегда знал, что у меня талант.

— Не сбей статистику второй.

Он улыбается, и я наконец позволяю себе посмотреть вверх.

Здание занимает угол оживленной улицы в центре города. За сплошным остеклением отражаются соседние высотки, голубое небо и зеленые кроны деревьев. Тонкие линии делят фасад на строгие прямоугольники; нижние этажи отделаны светлым камнем, а над входом тянется узкий металлический козырек.

Все выглядит новым, но без стерильности выставочного макета. В широких кашпо у дверей растут небольшие деревья, через стекло видны мягкие кресла и панели теплого древесного оттенка. Над входом — лаконичная надпись: *BRADFORD COMMUNICATIONS*.

Никакой позолоты и попыток поразить размером букв. Достаточно здания, в котором даже отражения выглядят продуманными.

Я поправляю ремень.

Алек замечает.

— Нервничаешь?

— Нет.

Он смотрит на меня.

— Ладно. Немного.

— Я тоже.

— Ты же начал новую жизнь.

— В ней пока не отменили тревожность.

Я смеюсь, и плечи наконец немного расслабляются.

Некоторое время мы молчим, наблюдая за входящими сотрудниками. Кто-то проходит с телефоном у уха, кто-то несет пакет из пекарни. Мужчина в сером костюме здоровается с охранником по имени и спрашивает о его дочери.

Обычное утро.

— Еще можно выбрать другую компанию, — говорит он.

— Ты решил сбежать, не войдя?

— Я просто напоминаю: журналистика тоже имеет свои перспективы.

— Ты сам сказал, что хочешь заниматься продажами.

— И полностью отвечаю за свои слова.

— А я хочу понять, как идеи превращаются в работающие кампании. Поэтому мы здесь.

— Звучит так, будто ты уже проводила со мной собеседование.

— И ты его провалил.

Он усмехается и тянется к двери.

— Идем, пока моя новая жизнь не закончилась.

У стойки регистрации нас просят назвать фамилии и предъявить документы. Алек делает это без запинки. Я тоже, хотя паспорт почему-то оказывается не в том отделении сумки, где лежал еще утром.

Пока нам оформляют пропуска, я рассматриваю холл.

На стене — большой экран с роликами последних мероприятий. В углу — несколько кресел, занятых людьми с ноутбуками. Длинную стойку регистрации освещают тонкие подвесные светильники, а возле лифтов стоит высокий стол с живыми цветами.

За нами приходит сотрудница отдела кадров — Мишель.

— Доброе утро. Рада, что вы вовремя.

Я сдерживаю желание уточнить, что мы приехали раньше.

В лифте она рассказывает о вводной встрече, документах и доступах. Алек задает вопрос о своем отделе, но больше наблюдает за ямочками на щеках Мишель.

На нужном этаже двери открываются в светлое пространство со стеклянными переговорными, рабочими столами и несколькими закрытыми кабинетами. Здесь уже кипит работа. Звонит телефон. Кто-то обсуждает сроки доставки оборудования. Девушка у окна произносит в гарнитуру:

— Нет, восемьдесят гостей не могут незаметно превратиться в сто сорок.

Я невольно смотрю в ее сторону.

Она замечает мой взгляд и устало улыбается, не прекращая разговора.

Восемьдесят в сто сорок. Вот это уже похоже на ответы, которых не было на сайте.

Нас проводят в небольшую переговорную. Следующие полчаса уходят на документы, правила работы и краткую экскурсию. Я записываю имена и должности, отмечаю, где находится кухня, и стараюсь не отвлекаться на фрагменты чужих обсуждений за стеклом.

Не получается.

В соседней комнате на экране открыта презентация. Даже отсюда видно, что на одном слайде слишком много текста.

Я отворачиваюсь прежде, чем начинаю мысленно его редактировать.

— Ваш руководитель уже ждет, — сообщают Алеку после вводной встречи. — Отдел продаж в другом крыле. Сейчас вас проводят.

Он поднимается и поправляет пиджак.

— Ну что, увидимся в обед?

— Если тебя не назначат директором до двенадцати.

— Если назначат, можешь рассчитывать на мою поддержку. Проявишь себя — возьму секретаршей.

— Мечтай.

Он смеется, легко касается моего плеча и выходит вслед за сотрудницей. Без него переговорная кажется тише. Я рассматриваю вид из окна, проверяю, убрала ли паспорт в сумку, и только потом замечаю мужчину за стеклянной стеной.

Высокая фигура идет по коридору, разговаривая с кем-то по телефону. В свободной руке — тонкая папка. На нем черный костюм; угольные волосы уложены чуть аккуратнее, чем я

привыкла видеть. На запястье — кожаный ремешок часов. Он рассеянно крутит его пальцами, когда ведет внутренний монолог. Привычка, о которой он сам не помнит.

Он слушает собеседника, затем коротко отвечает:

— Нет. Сначала подтверждение, потом обещания клиенту.

Я знаю этот голос.

Слышала его за завтраками у Аманды, в спорах с Алеком, в коротких разговорах у двери, когда Рид приезжал на выходные и снова куда-то торопился.

Рид Мерсер.

Дьявол пиара с репутацией сухаря.

Старший брат Алека.

Последнее — единственная характеристика, которую я до сих пор могла подтвердить лично. Остальные мне предстоит проверить.

Здесь его голос звучит иначе. Или просто теперь я замечаю, как на него реагируют: сотрудник у ближайшего стола поднимает голову, ловит взгляд Рида и показывает на часы. Тот кивает, не замедляя шага.

Закончив разговор, он останавливается у переговорной.

— Доброе утро.

— Доброе.

Его взгляд на секунду задерживается на моем блокноте.

— Уже все записала?

— Пока только то, что мне рассказали.

— Разумное ограничение.

Сотрудница отдела персонала появляется рядом с ним и передает папку с моими документами.

— Вводную часть мы закончили. Доступы будут готовы в течение дня. Рабочее место подготовлено рядом с вашим кабинетом.

Я перевожу взгляд с нее на Рида.

Рядом с его кабинетом?

До этого момента выражение «*стажировка в подразделении Рида Мерсера*» представлялось мне довольно широким. Отдел, команда, несколько специалистов, у которых можно учиться. Возможно, редкие встречи с руководителем.

Судя по расположению моего стола, редкими они не будут.

— Спасибо, — говорит он.

Сотрудница уходит, оставив нас вдвоем.

Рид открывает дверь переговорной.

— Идем.

Мы проходим мимо нескольких рабочих столов. Он называет сотрудников, коротко представляет меня и показывает место у стеклянной стены своего кабинета. На столе уже стоят монитор, клавиатура и пустой держатель для пропуска.

— Можешь оставить вещи, — говорит Рид. — Начнем у меня.

— С чего?

Он смотрит на меня.

— С разговора о том, что ты собираешься здесь делать.

Я выдерживаю его взгляд.

— Работать.

— Это базовый минимум, на который я рассчитываю.

На семейных выходных я бы ответила ему сразу.

Здесь делаю вдох и напоминаю себе, что он пока не сказал ничего несправедливого.

— Тогда нам есть что обсудить.

Уголок его рта едва заметно двигается.
— Похоже на то.
Рид придерживает дверь кабинета, пропуская меня внутрь.

Глава 2

В кабинете Рида нет ничего, что помогло бы начать непринужденный разговор.

Ни семейных фотографий, ни сувениров из поездок, ни даже растения, состояние которого можно было бы дипломатично обсудить. Только стол, два кресла для посетителей, стеллаж с папками и большой экран на стене. У окна стоит низкий диван, но выглядит он так, будто на нем тоже принято сидеть с прямой спиной.

— Садись.

Я выбираю кресло напротив стола, кладу блокнот на колени и жду, пока он займет свое место.

Он не садится сразу. Оставляет папку рядом с ноутбуком, убирает телефон экраном вниз и лишь потом смотрит на меня.

— Что ты знаешь о нашем подразделении?

— Вы занимаетесь коммуникационными стратегиями, сопровождением запусков и работой со СМИ.

— Это написано на сайте.

— Ты спросил, что я знаю, а не где прочитала.

Он отодвигает кресло.

— Хорошо. Что не написано на сайте?

Я на секунду задумываюсь.

— Что у вас довольно разные клиенты. Значит, либо команда умеет быстро переключаться между рынками, либо нагрузка распределена по специализациям. Судя по кейсам, вы часто объединяете работу со СМИ и мероприятия в одну кампанию. Но почти нигде не публикуете измеримые результаты.

— И какой вывод?

— Пока никакого. Возможно, цифры закрыты соглашениями. Возможно, красивые фотографии проще показывать будущим клиентам.

Рид садится.

— А возможно, ты не нашла нужный раздел.

Я чувствую, как внутри что-то неприятно сжимается.

Конечно. Первый же разговор — и я успела сделать замечание компании, в которую только что пришла.

Но оправдываться поздно.

— Тогда буду рада его изучить.

Он открывает ноутбук.

— Результаты действительно закрыты. Но привычку проверять предположения прежде, чем делать выводы, лучше приобрести сейчас.

Я открываю блокнот.

— Записать?

— Если иначе не запомнишь.

Поднимаю на него глаза. Он смотрит совершенно спокойно.

Похоже, это будет длинное лето.

— Что ты хочешь получить от практики? — спрашивает Рид.

— Опыт работы над реальными проектами.

— Какой именно?

— Хочу участвовать в разработке кампаний. Понять, как выбирают стратегию, как работают с клиентом, как оценивают результат.

— Участвовать — широкое понятие. Можно присутствовать на совещании и тоже считать себя участником.

— Я хочу делать работу, которую можно использовать.

— Лучше.

Он произносит это без улыбки, но я все равно ощущаю маленькое, совершенно неуместное удовлетворение.

— Какие задачи ты уже выполняла самостоятельно?

Я рассказываю о проектах в академии: исследованиях аудитории, материалах для студенческого издания, коммуникационном плане для образовательной программы. Стараюсь говорить конкретно — что делала, какие решения предлагала, что получилось.

Рид несколько раз прерывает меня вопросами.

— Это была твоя идея или команды?

— Моя. Исследование проводили вдвоем.

— Кто редактировал итоговый текст?

— Преподаватель. После первой версии я переписала вступление и убрала часть аргументов.

— Почему?

— Они звучали убедительно, но не подтверждались данными.

Он слегка кивает.

— Что тебе дается хуже?

Вот этого вопроса я ждала.

И все равно хочется ответить что-нибудь удобное. Например, что я слишком ответственная. Или чрезмерно требовательная к себе. Недостатки, которые приличные люди произносят на собеседованиях с надеждой, что их примут за достоинства.

— Мне сложно вовремя остановиться, если я вижу, как можно улучшить работу.

Рид откидывается на спинку кресла.

— Ты сейчас описала качество или предупредила, что будешь срывать сроки?

— Пока сроки я не срывала.

— Здесь задачи могут идти одновременно. На каждую нельзя потратить столько времени, сколько хочется.

— Значит, придется научиться расставлять приоритеты.

— И спрашивать, если они неочевидны.

Я записываю это, хотя вполне способна запомнить. Просто на бумаге замечание выглядит менее личным.

— Скажи, — продолжает Рид, — клиент просит отправить журналистам анонс сегодня. В нем дата, которую площадка еще не подтвердила. Что ты делаешь?

— Запрашиваю подтверждение.

— Площадка не отвечает. Клиент торопит.

— Предлагаю убрать точную дату или перенести рассылку.

— Он говорит, что все согласовано устно, и требует отправить как есть.

Я вспоминаю фразу, которую услышала в коридоре.

Сначала подтверждение, потом обещания клиенту.

Повторить ее было бы слишком просто.

— Объясняю риск. Если дата изменится, нам придется исправлять информацию у всех, кто ее получил. И спрашиваю тебя, можем ли мы выпускать анонс без подтверждения.

— Меня нет на связи.

— Тогда не отправляю до решения ответственного за проект.

— Даже если клиент недоволен?

— Он будет еще менее доволен, если гости приедут не в тот день.

Рид чуть наклоняет голову.

— А если он скажет, что практикантка не должна учить его вести бизнес?

— Я не учу его вести бизнес. Я объясняю, почему не могу подтвердить то, чего мы пока не знаем.

— Ты уже раздражена.

— Мы обсуждаем воображаемого клиента.

— И он уже тебе не нравится.

Я закрываю рот. Очень хочется сказать, что некоторым людям достаточно тридцати секунд, даже воображаемым.

Судя по выражению Рида, он и без этого понял.

— Ты не обязана соглашаться с клиентом, — говорит он. — Но он должен слышать твою позицию, а не твое отношение к его умственным способностям.

— Я ничего не сказала о его способностях.

— Твое лицо сказало.

Я машинально провожу пальцами по щеке.

Рид замечает движение, и в его глазах на секунду появляется что-то похожее на веселье.

Разумеется. Ему весело.

— Это поправимо, — добавляет он.

— Лицо?

— Привычка отвечать прежде, чем ты решила, чего хочешь добиться ответом.

Я опускаю руку. С этим спорить сложнее.

Рид поворачивает ноутбук ко мне. На экране короткое письмо:

«*Нам не нравится предложенный вариант. Все выглядит слишком обычно. Хотим что-нибудь громкое. Ждем новые идеи сегодня*».

Я читаю дважды.

— Что бы ты ответила?

— Для начала уточнила бы, что именно не устраивает. Формат, визуальная часть, охват…

— Клиент уже трижды отвечал: все.

— Тогда предложила бы короткий звонок и несколько конкретных направлений, между которыми можно выбрать.

— Сегодня?

— Если команда успеет подготовить их сегодня.

— А если нет?

— Назвала бы реальный срок.

— Напиши.

Я поднимаю взгляд.

— Сейчас?

Рид молча пододвигает ноутбук ближе.

Ладно.

Я ставлю блокнот на край стола и печатаю ответ. Сначала слишком длинный. Затем удаляю половину вводных фраз и оставляю предложение созвониться, уточнить приоритеты и согласовать срок новых вариантов.

Рид читает.

— «*К сожалению*» убери.

— Почему?

— Нам пока не о чем сожалеть.

Я удаляю.

— И не обещай три новых концепции до разговора. Возможно, проблема вообще не в концепции.

Снова удаляю.

После правок письмо становится короче почти вдвое.

И, к моему раздражению, лучше.

— У тебя все разговоры проходят в таком формате? — спрашиваю я.

— В каком?

— Вопрос, еще вопрос, неправильный ответ.

— Ты дала несколько правильных.

— Спасибо за щедрость.

Он возвращает ноутбук на свою сторону стола.

— Ты хотела работать над реальными задачами.

— Я не жалуюсь на задачи.

— Тогда на что?

Хороший вопрос.

На то, что мне хочется сразу справляться? На то, что он замечает каждую попытку спрятать неуверенность за остроумием? На то, что мне не нравится чувствовать себя ученицей, хотя именно для этого я сюда пришла?

— Пока ни на что, — отвечаю я.

Рид смотрит на меня чуть дольше обычного.

— Не нужно защищать каждый ответ, Эва. Иногда я уточняю, потому что хочу понять, как ты думаешь.

Я отвожу взгляд к блокноту.

— А иногда?

— Потому что ответ не подходит.

На этот раз я все-таки улыбаюсь.

— Удобная система.

— Рабочая.

Он берет ручку и поворачивает ее между пальцами.

— Я не буду давать тебе поблажки из-за Алека.

— Я их не просила.

— Знаю. Поэтому и говорю сразу. Здесь ты стажер, хоть и на ставке. Я отвечаю за твою работу и за то, чему ты научишься. Если не понимаешь задачу — спрашиваешь. Если ошиблась — сообщаешь, пока ошибку можно исправить. Если считаешь, что я неправ, — объясняешь почему.

— Можно письменно? Чтобы у моего лица не было возможности вмешаться.

— Можно.

Он отвечает так серьезно, что я не сразу понимаю: это тоже шутка.

Сухая. Почти обезвоженная.

— И еще, — добавляет Рид. — Не соглашайся на срок, который не сможешь выдержать, только потому, что неудобно отказать.

Я записываю.

— Это относится и к твоим заданиям?

— В первую очередь. Мне нужен результат, а не сюрприз за десять минут до сдачи.

Список в блокноте уже занимает половину страницы.

Спрашивать. Проверять. Не обещать лишнего. Сообщать об ошибках.

Ничего необычного.

Почему тогда все звучит так, будто мне выдали инструкцию к устройству, которое я давно использую неправильно?

— Упорство у тебя есть, — говорит Рид. — И дерзость в речи, и остроумие. Это сильные стороны. Ты быстро реагируешь и не боишься формулировать собственную позицию.

Я поднимаю глаза. После такого количества уточнений похвала звучит неожиданно.

— Но пока ты ассистент, — продолжает он. — Не каждый сотрудник и тем более клиент будет рад такой манере общения. Сначала пойми, с кем разговариваешь и что можешь себе позволить.

— То есть остроумие разрешено по предварительному согласованию?

— Желательно с собственным здравым смыслом. И не забывай про сервис. Клиенты приносят нам деньги. Они платят за работу, а не за возможность посоревноваться с тобой в колкостях.

— Даже если начинают первыми?

— Особенно тогда. Хорошая реплика не всегда полезная.

Формулировка достаточно неприятная, чтобы оказаться верной.

— А упорство направляй на задачу, — добавляет Рид. — Не на попытку доказать, что ты всегда права.

— Я не считаю, что всегда права.

— Тогда тебе будет проще учиться.

Хочется ответить. Очень. Но я успеваю спросить себя, чего добьюсь следующим замечанием. Ничего полезного.

Рид замечает мою паузу.

— Вот. Уже лучше.

Я выдыхаю через нос.

— Ты невыносим.

— А ты говоришь это своему руководителю в первый рабочий день.

На секунду в кабинете становится тихо.

Затем я вижу едва заметный изгиб его губ и позволяю себе расслабиться.

Совсем немного.

— Запомни главное, — говорит он. — Держи лицо. Ты можешь растеряться, разозлиться, не знать ответа. Но сначала разберись, что происходит, и только потом реагируй.

Я провожу ручкой под новой строчкой.

— А если человек переходит границы?

Рид перестает крутить ручку.

— Тогда обозначаешь их. Если не помогает — заканчиваешь разговор и приходишь ко мне. Держать лицо не значит терпеть все подряд.

Эту фразу записывать не хочется. Ее я запомню.

— Сегодня изучишь, с кем мы работаем и что сейчас происходит на их рынках. Отдельно посмотри упоминания клиентов и конкурентов. Не каждое упоминание заслуживает внимания. Попробуй понять, какие заслуживают.

В целом, неплохо для начала.

— И почта, — продолжает он. — Тебе дадут доступ к проектному ящику. Начни с последних цепочек, потом посмотри историю активных проектов. Нужно разобраться, кто принимает решения, что уже согласовано и где остаются вопросы.

— Отвечать?

— Пока нет. Если увидишь срочное письмо, сообщи мне.

— Поняла.

— К концу дня хочу краткую сводку. Что узнала, что кажется важным, какие вопросы появились.

Я смотрю на список задач.

— Только это?

Рид поднимает бровь.

И я сразу понимаю, как прозвучал вопрос.

— То есть…

— Я услышал.

Он отодвигает папку к краю стола.

— Сначала разберись в том, что уже происходит. Потом будешь предлагать, что должно происходить дальше.

Я закрываю блокнот.

— Хорошо.

— Эва.

Останавливаюсь, еще не успев подняться.

— Краткая сводка. Не исследование на сорок страниц.

— Тридцать девять допустимо?

— Одна. В крайнем случае две.

— Ты сильно ограничиваешь мой творческий потенциал.

— Рассчитываю направить его в полезное русло.

Я выхожу из его кабинета.

Ничего такого, чего бы я не ожидала от этого диалога.

Рид Мерсер полностью оправдал свою репутацию. Даже похвалить умудрился так, что мне пришлось мысленно проверить, не нарушила ли я при этом какую-нибудь должностную инструкцию.

Ладно. Буду воспринимать этот тяжелый случай — повадки шефа, его сухость и, возможно, врожденную черствость — как возможность личностного роста.

За своим столом я ставлю сумку подальше от ног и включаю компьютер.

Все работает. Неплохое начало.

Я настраиваю рабочее пространство, открываю новостную ленту, затем список клиентов. На отдельном листе пишу три заголовка:

Важно. Проверить. Спросить.

В почте — десятки цепочек. Незнакомые имена, вложения, пометки о согласовании. Кто-то обсуждает дату запуска. Кто-то просит заменить фотографию. В одном письме всего два слова: *Не подходит.* Следом — длинный ответ, из которого я пока не могу понять, что именно не подошло.

Кажется, Мишель говорила что-то про плавную адаптацию и наставничество.

Возможно, под плавностью подразумевалось, что до рабочего места меня довели пешком, а не забросили с вертолета. Наставничество, надо полагать, уже состоялось: мне объяснили, как держать лицо, и оставили наедине с перепиской.

Видимо, в этом отделе такая текучка, что тратить ресурсы на обучение новичков просто невыгодно. Сначала нужно убедиться, что очередной ассистент переживет знакомство с руководителем.

Я придвигаю клавиатуру, открываю первое письмо и начинаю читать.

Глава 3

Эвелин, шестнадцать лет

Первое, что я узнаю об академии: здесь нельзя выбрать все курсы сразу.

Второе: женщина, которая сообщает мне об этом, совершенно невосприимчива к аргументу «*но мне интересно*».

— Я не сомневаюсь, — говорит она, просматривая мою анкету. — Однако интерес не увеличивает количество часов в сутках.

На ее столе лежит расписание вводной недели. Рядом — ключ от моей комнаты и пластиковая карточка с фотографией, на которой я выгляжу так, будто поступила сюда для проведения налоговой проверки.

— Можно взять дополнительное направление со второго семестра?

— После оценки результатов первого.

— А посещать открытые лекции до этого?

Женщина наконец поднимает глаза.

— Можно.

— И пользоваться материалами других факультетов?

— Можно.

Я беззвучно соглашаюсь. Уже лучше.

Она пододвигает ко мне ключ.

— Для начала заселитесь. Знакомство с куратором завтра в десять. Сегодня вечером встреча студентов вашего корпуса.

Я благодарю ее, забираю документы и выхожу.

За дверью шумно.

Родители разговаривают с сотрудниками, студенты сравнивают номера комнат. Девушка у лестницы обнимает мать и просит перестать плакать. Чуть дальше мужчина в дорогой рубашке объясняет сыну, с кем нужно познакомиться в первую очередь.

Комната оказывается меньше, чем на фотографиях.

Кровать, письменный стол, шкаф, узкая полка над столешницей. В общей прихожей — еще одна дверь, ведущая к соседке, и ванная, которой нам предстоит пользоваться вдвоем.

На столе — памятка с правилами проживания.

Я оставляю чемодан у стены и читаю ее стоя.

«*После десяти вечера нельзя шуметь. Гостей необходимо регистрировать. Электроприборы с открытой нагревательной спиралью запрещены. При неисправностях нужно обратиться к администратору*».

Переворачиваю лист. Больше ничего.

Я перечитываю его с начала.

Ни слова о том, во сколько нужно выключать свет в своей комнате. Ни слова о том, что нельзя закрывать дверь.

Проверяю замок. Он работает изнутри.

Некоторое время я стою, положив пальцы на маленькую металлическую защелку.

Я возвращаюсь к своему чемодану. Раскладываю одежду. Книги ставлю на полку по размеру, потом переставляю по предметам. Зарядку протягиваю за столом, документы убираю в верхний ящик. Последней достаю небольшую жестяную коробку с чаем. Ставлю ее рядом с книгами.

Теперь комната немного больше похожа на мою.

Соседка появляется, когда я застилаю кровать. Заглядывает через открытую дверь и держит перед собой упаковку печенья.

— Будешь?

Я автоматически смотрю на часы.

— Сейчас?

Она тоже смотрит на часы, будто пытается понять, что пропустила.

— Ну… да?

Я беру одно печенье.

— Спасибо.

Она рассказывает, откуда приехала, спрашивает о моих предметах и предупреждает, что иногда сушит волосы очень рано. Я говорю, что мне это не помешает.

— Если что, скажешь.

Простая фраза.

Я киваю чуть позже, чем следовало бы.

Библиотека становится местом, где меня проще всего найти.

У окна на втором этаже есть стол с удобной розеткой и видом на дорожку между корпусами. В обед там много людей, но ближе к вечеру соседние места освобождаются.

Я раскладываю книги и обещаю себе уйти через час.

Через два часа обнаруживаю, что пропустила ужин.

Через три нахожу в сумке печенье и решаю, что проблема исчерпана.

На следующий вечер беру с собой нормальную еду.

Читаю о том, как люди выбирают, чему доверять. Как меняется смысл сообщения в зависимости от того, кто его произносит. Почему хороший аргумент не всегда убеждает, а неудачная формулировка может испортить даже полезное предложение.

Мне нравится разбирать это по частям.

Еще больше нравится замечать, как отдельные куски начинают соединяться.

На семинаре нам предлагают разработать продвижение небольшого городского события. Почти вся группа начинает с названия и оформления. Я спрашиваю, кто должен прийти.

— ВСЕ, — отвечает парень напротив.

— Тогда придется проводить его везде.

Он хмыкает.

Преподаватель просит нас продолжить.

Через сорок минут на доске три аудитории, совершенно разные причины прийти и одна перечеркнутая идея, которая сначала нравилась всем.

В том числе мне.

Работать с людьми оказывается сложнее, чем с книгами. Люди не открываются на нужной странице и иногда считают свой свободный вечер достаточной причиной не отвечать на сообщение.

Приходится учиться договариваться. Вспоминать, как это — быть частью общества.

К ноябрю я перестаю вздрагивать от каждого стука в дверь.

Сначала все равно выпрямляюсь, закрываю лишнюю вкладку и только потом говорю: «*Входите*».

На общей кухне по вечерам кто-нибудь обязательно заваривает чай. Я узнаю, кто любит обсуждать преподавателей, кто постоянно теряет ложки, и кто способен приготовить ужин из продуктов, которые остальные уже считают безнадежными.

Меня зовут на вечеринки.

Иногда я прихожу. Ненадолго, без желания стать центром внимания. Сижу у окна, слушаю чужие истории, возвращаюсь раньше остальных.

В комнате можно оставить книгу раскрытой.

Можно открыть окно, если душно.

Можно не доесть ужин.

Никому не требуется объяснять, почему.

Однажды соседка роняет в ванной флакон. Раздается резкий треск, и я вскакиваю со стула прежде, чем успеваю подумать.

— Все нормально! — кричит она. — Только теперь у нас очень дорогой пол.

Я стою посреди комнаты, слушая, как она собирает осколки.

Потом приношу совок.

Она благодарит и жалуется на неудобную полку.

Зимой мой план наконец утверждают.

Куратор просматривает результаты первого семестра и проверяет мое расписание.

— Где вы собираетесь отдыхать?

Я указываю на свободное окно в четверг.

Он смотрит на меня.

— Это была шутка, — поясняю я.

— Надеюсь.

Он разрешает посещать часть дополнительных занятий и ставит подпись на заявлении.

— Если нагрузка окажется чрезмерной, мы пересмотрим план.

Он возвращает документы.

Я улыбаюсь.

Весной я начинаю бегать по утрам.

Сначала до дорожки за спортивным корпусом и обратно. Потом дальше.

Мне нравится выходить, пока кампус еще не проснулся. В окнах кое-где горит свет, садовник поливает клумбы, у служебного входа разгружают продукты.

Возвращаюсь голодная, с прохладными руками и ясной головой.

На столе ждут задания. В шкафу — одежда, которую я выбираю сама. За окном — обычное утро, от которого ничего не нужно угадывать.

Иногда я ловлю себя на том, что весь день ни разу не проверила телефон.

Тогда проверяю.

Отвечаю на вопросы об учебе. Сообщаю оценки. Пишу, что занята.

Кладу телефон обратно.

Жизнь продолжается.

О летних каникулах начинают говорить задолго до окончания занятий.

Кто-то летит к морю. Кто-то собирается месяц ничего не делать. Соседка обсуждает поездку с друзьями и раскладывает на кровати вещи, хотя до отъезда еще несколько недель.

Я смотрю академический календарь.

Дата окончания учебного года.

Дата начала следующего.

Между ними слишком много пустого места.

На следующий день спрашиваю администратора, можно ли остаться.

— Вы участвуете в летней программе?

— Нет.

— Тогда, к сожалению, нет. Часть корпуса закрывается на обслуживание, остальные комнаты распределяют между участниками.

— А если я буду заниматься самостоятельно?

Она сочувственно улыбается.

— Нужны официальные основания. Поговорите с куратором, возможно, на будущее найдется подходящий проект.

На будущее.

До конца года остается время. Я спрашиваю еще у двух преподавателей, проверяю объявления и нахожу несколько программ.

На одну уже закончился набор.

Для другой нужен опыт, которого у меня пока нет.

Третья длится всего неделю.

Чемодан лежит раскрытым на полу.

Я складываю одежду, а книги оставляю на столе до последнего. Беру больше, чем собиралась. Одну из них уже читала, но все равно кладу сверху.

Соседка уехала утром. В общей прихожей непривычно тихо.

Перед уходом я проверяю шкаф, ящики и ванную. Выключаю лампу. Поворачиваюсь к комнате.

Без моих вещей она выглядит почти так же, как в день приезда.

Только теперь я знаю, как меняется свет на стене после обеда. Как скрипит стул, если наклониться вправо. Как ночью звучит ветер в ветвях за окном.

Внизу сдаю ключ. Пальцы не сразу разжимаются.

Администратор желает хорошего лета.

— Спасибо, — отвечаю я.

Дорогу почти не помню.

Когда машина останавливается у дома, я еще несколько секунд сижу неподвижно. Все на месте.

Дерево у ограды. Ступени. Дверь.

Я достаю чемодан, благодарю водителя и иду по дорожке.

Дверь открывается прежде, чем я успеваю позвонить.

— Вот и наша студентка.

Он улыбается, забирает у меня чемодан и целует в висок. Я успеваю заметить соседку у ограды: она поднимает руку, приветствуя нас.

— С приездом, дорогая!

— Спасибо.

— Для тебя даже пирог испекли, — говорит он. — Персиковый, твой любимый. Видишь, как мы тебя здесь ждали?

— Решила побаловать после экзаменов, — отзывается соседка.

— Правильно. Теперь пусть отдыхает, я о ней позабочусь.

Он поднимает чемодан через порог. Закрывает дверь. Еще мгновение на его лице держится улыбка.

— Почему не позвонила, когда выехала?

Я уже собираюсь ответить, что сообщила время приезда вчера. Но останавливаюсь.

— Прости.

— Я должен сам догадываться, где ты и что с тобой?

— Нет.

Он ставит чемодан у стены.

— У людей хватает воспитания подумать о тебе. Пирог принесли. А от тебя даже звонка не дождешься.

Из кухни пахнет персиками и сладким тестом.

— Я поблагодарила ее.

Он смотрит на меня.

— Ты сейчас будешь спорить?

— Нет.

— Тогда убери вещи. Не оставляй посреди прихожей.

Я берусь за ручку чемодана.

— И переоденься к ужину. Не в то, в чем собиралась лежать на кровати. Я пригласил соседей.

Опустив голову, я иду к лестнице. На первой ступени задерживаюсь, чтобы поднять чемодан обеими руками и не задеть стену.

Весь учебный год я училась говорить точнее, задавать вопросы и отстаивать свою позицию.

Теперь нужно вспомнить, как молчать.

Глава 4

К середине первой недели я уже знаю, где находится кухня, какой принтер не стоит трогать без крайней необходимости и что слово «*согласовано*» не обязательно означает, что что-то согласовано.

Иногда оно означает «*нам нравится направление*».

Иногда — «*мы еще покажем руководителю*».

А в одной особенно содержательной переписке — «*почему вы решили, что это согласовано?*».

Я откидываюсь на спинку кресла.

Первые дни Рид давал мне отдельные материалы: справки, подборки публикаций, небольшие задания. Сегодня поручил разобраться в переписке по активным проектам и собрать сводку — что происходит, где остаются вопросы и на что стоит обратить внимание.

Постепенно незнакомые имена обретают смысл. Одна сотрудница отвечает за площадки, другая собирает материалы для СМИ. Представитель клиента любит писать «*срочно*», но сам отвечает через два дня.

Телефон загорается рядом с клавиатурой.

Алек:*Я пережил знакомство со всем отделом.*

Я:*Они тоже?*

Алек:*Пока рано судить.*

Следом приходит фотография его рабочего стола: монитор, блокнот и маленький кактус.

Алек:*Мне выдали коллегу. Неразговорчивый, но мы уже нашли общий язык.*

Я:*Не трогай его. В отличие от остальных, он может дать сдачи.*

Алек:*Обед через двадцать минут?*

Я смотрю на открытые вкладки. В новостной сводке пока три ссылки, в почте — еще несколько непрочитанных цепочек.

Я:*Не смогу. Хочу сначала закончить с почтой.*

Алек:*Эва, это рабочая почта. Она размножается.*

Я:*Тогда тем более нельзя терять время.*

Алек:*Ты серьезно?*

Я:*Поем позже.*

Алек:*Если начнешь кусать сотрудников, знай: я предупреждал.*

Сотрудники пока в безопасности.

Вложенная презентация не открывается. Нажимаю на ссылку еще раз.

«*У вас нет доступа к этому ресурсу*».

Проверяю учетную запись. Рабочая. Открываю папку другого проекта. Тот же результат.

До сегодняшнего утра мне хватало документов, которые присылали напрямую. Теперь выясняется, что между почтой и проектными каталогами проходит государственная граница.

Заполняю заявку в техническую поддержку, прикладываю снимок экрана и получаю автоматический ответ:

«*Ваша заявка зарегистрирована. Специалист свяжется с вами*».

Сроков нет. Разумно с их стороны.

Пока жду, возвращаюсь к доступным материалам. Сравниваю опубликованное интервью с перепиской о его подготовке и замечаю расхождение в цифрах. Возможно, данные обновили позже.

Через несколько минут приходит ответ поддержки:

«*Доступ к проектным каталогам предоставляется по запросу руководителя подразделения*».

Поворачиваюсь к кабинету.

Рид стоит у окна с телефоном у уха. Заметив меня через стекло, вопросительно поднимает брови. Я показываю на монитор, затем на дверь. Он жестом просит подождать.

Через минуту выходит.

— Что случилось?

— Почта открывается, проектные папки нет. Поддержка говорит, нужен твой запрос.

Рид читает сообщение, достает телефон и что-то печатает.

— Отправил. Тебе нужен доступ на чтение ко всем активным проектам отдела.

— Спасибо.

Он смотрит на мой лист.

— Есть что-нибудь срочное?

— Нашла расхождение в цифрах между справкой и публикацией. Хочу проверить, не было ли обновления.

— В каком проекте?

— «ЭКО Технолоджис».

— Посмотри версию справки на дату интервью, не последнюю.

Рид замечает пустой стакан из-под кофе.

— Ты ходила на обед?

— Еще нет.

— Перерыв не нужно заслуживать.

— Я знаю. Просто хочу разобраться с доступом.

— Разбирайся. Потом поешь.

Через пятнадцать минут поддержка сообщает: «*Доступ предоставлен*».

Я открываю папку. «*У вас нет доступа к этому ресурсу*».

Смотрю на сообщение, затем на письмо. У этих двух утверждений явно разные представления о действительности. Перезагрузка браузера, приложений и компьютера не помогла.

Можно написать еще одно письмо. Приложить еще один снимок экрана. Дождаться предложения сделать то, что я уже сделала.

Но мне это не подходит.

ИТ всегда тянут резину. Возможно, у них есть веские причины, очередь заявок и особая философия обращения со временем. У меня пока есть только задание, которое без доступа не выполнить.

Нахожу во внутреннем справочнике номер кабинета IT-службы.

Лично будет быстрее. И, надеюсь, эффективнее.

У Рида идет видеозвонок. Отправляю ему короткое сообщение.

Я:*Иду в IT с ноутбуком. Обновление доступа не помогло.*

В IT-службе тише, чем у нас.

Вдоль стены стоят открытые стеллажи с коробками. На одном из столов — несколько разобранных устройств и отвертки разных размеров.

На двери распечатка: *Если вы уже перезагрузили устройство, мы все равно спросим.*

Под ней кто-то дописал ручкой: *Да, еще раз.*

Я стучу в открытую дверь.

— Здравствуйте. У меня не открываются проектные папки. По заявке доступ уже предоставили, но ничего не изменилось.

Мужчина за ближайшим столом поднимает голову.

— Номер заявки?

Показываю письмо на телефоне.

Он проверяет что-то на экране и указывает на свободное место рядом.

— Ставьте ноутбук.

— Я уже выходила из учетной записи и перезапускала браузер.

— Отлично.

Он придвигает устройство к себе.

— Теперь выйдем из учетной записи и перезапустим браузер.

Я смотрю на распечатку. По крайней мере, здесь последовательны.

Специалист переключается между окнами, проверяет настройки.

— Профиль создался раньше, чем вас привязали к проектной группе. Сейчас обновим.

— Это надолго?

— Минут десять. Может, меньше.

Я отхожу к стене, чтобы не стоять над его плечом.

Желудок напоминает, что гранола на завтрак и матча были довольно давно.

На телефоне два новых сообщения от Алека.

Алек: *Ты ела?*

Алек:*Молчание принимаю за признание вины.*

Я:*Я в IT.*

Алек:*Они кормят?*

Я:*Пока только обещаниями.*

Алек:*Смотри не привыкни.*

Собираюсь ответить, когда за спиной раздается голос:

— Новенькая?

Оборачиваюсь.

В дверях стоит высокий мужчина. Рукава голубой рубашки закатаны до предплечий — ровно, не небрежно, так что видно, что он делает это привычно. Темные волосы коротко острижены, без лишнего, и от этого кажется, что он вообще не тратит на себя много времени. От широких бровей лицо кажется увереннее — и, пожалуй, чуть упрямее. Он поправляет ремешок часов. Явно дорогих. Не тех, что покупают, чтобы показать, а тех, что просто носят.

Он смотрит сначала на меня, потом на ноутбук перед специалистом.

— Это настолько заметно? — спрашиваю я.

— Ты еще читаешь объявления на дверях.

Я невольно оглядываюсь на распечатку.

— Полезная привычка.

— Обычно проходит после третьего визита.

Он улыбается и протягивает руку.

— Максвелл. Но друзья зовут меня Максом.

Пожимаю ее.

— Эвелин. Для друзей — Эва.

— Тогда постараюсь не задерживаться на официальной части, Эва.

— Оптимистично.

Он указывает на свободный стул.

— Из какого отдела?

— Пиара и маркетинга. У Рида Мерсера.

Макс чуть приподнимает брови.

— Серьезная школа.

Я сажусь.

— Это вежливая формулировка?

— Достаточно точная. Как первая неделя?

— Пока мне чаще предлагают подумать еще раз, чем подтверждают, что я подумала правильно.

Макс берет второй стул и садится напротив.

— Значит, все по плану.

— По его плану?

— Обычно других он не признает, пока ему не докажут, что они лучше.

Я улыбаюсь.

— Похоже на него.

— Он уже спрашивал, почему ты выбрала именно этот вариант?

— Несколько раз.

— А после ответа?

— Спрашивал еще что-нибудь.

— Да, это Рид.

В его голосе нет ни раздражения, ни желания посплетничать. Скорее удовольствие человека, которому хорошо знакома обсуждаемая особенность.

— Вы давно работаете вместе?

— Несколько лет. Первый серьезный разговор состоялся, когда я предложил обновить систему хранения файлов. Он спросил, какую проблему мы решаем. Я ответил: система устарела.

— Недостаточно убедительно?

— Как выяснилось, совершенно. Пришлось вернуться с цифрами, сроками и расчетом потерь.

— И он согласился?

— Да. А потом добился бюджета, который я сам считал маловероятным.

Я на секунду задумываюсь. Макс снова смотрит на меня.

— У него репутация сложного руководителя. Заслуженная. Он может вернуть работу из-за одной непроверенной цифры и никогда не скажет «сойдет», если не сойдет.

— Это я уже заметила.

— Зато ты будешь знать, за что отвечает каждый вывод в твоем тексте.

Я перевожу взгляд на ноутбук.

— А репутация сухаря?

— Тоже заслуженная.

Смеюсь.

— Спасибо за честность.

— Но, если он говорит, что берет вопрос на себя, можно перестать проверять, сделал ли он это. Сделал. И спорить с ним можно, — добавляет Макс. — Только лучше приходить с аргументом, а не с надеждой обаять.

— Последний вариант не работает?

— Если выяснишь обратное, обязательно сообщи. Здесь многие будут признательны.

— Готово, — говорит специалист.

Я открываю папку на ноутбуке. На экране появляются документы.

— Спасибо.

Закрываю ноутбук и поднимаюсь. Макс встает следом, отодвигает свой стул, освобождая проход, и подходит к двери.

— Я тебя провожу.

Он придерживает ее, пропускает меня вперед и выходит в коридор.

— Если будут еще проблемы с техникой, приходи ко мне, — говорит он. — Или напиши.

— Даже если я уже перезагрузила устройство?

— Особенно тогда. Нам будет с чего начать.

Я улыбаюсь.

— Договорились.

У лифтов он нажимает кнопку вызова и останавливается чуть в стороне.

— Был рад познакомиться, Эва.

— Взаимно, Макс.

На моем столе стоит бумажный пакет. Рядом — бутылка воды и сложенная салфетка.

Я останавливаюсь.

Проверяю, мой ли это стол. Блокнот на месте, ручка лежит поперек листа, пустой стакан все еще у монитора. Мой.

Из кабинета выходит Рид.

— Доступ восстановили?

— Да.

— Хорошо.

Я показываю на пакет.

— Это…

— Обед.

Очень содержательно.

— Я вижу. Откуда он?

— Из кафе внизу.

— Рид.

Он переводит взгляд на меня.

— Я заказал себе. Взял и тебе.

Я заглядываю внутрь. Контейнер с рисом, овощами и курицей. Еще теплый.

— Спасибо. Не стоило.

— Стоило. Ты потратила на доступ больше часа. Не нужно теперь пытаться наверстать его за счет перерыва.

В голосе нет раздражения. Только констатация, с которой почему-то хочется поспорить меньше обычного.

— Алек нажаловался?

— Нет.

— На всякий случай уточняю.

— Если бы Алек пожаловался, здесь, вероятно, была бы записка.

Я смотрю на салфетку. Рид тоже.

— Не проверяй. Он не писал.

Я усмехаюсь и с благодарностью улыбаюсь.

— Спасибо, — повторяю уже без возражения.

— В половине третьего зайди со сводкой.

Он уходит, а я сажусь. Отодвигаю бумаги, открываю контейнер.

Несколько секунд просто смотрю на еду. Потом беру вилку.

Телефон оповещает о новом сообщении, когда я успеваю съесть примерно половину.

Алек:*Последняя проверка перед объявлением тебя в розыск*.

Я фотографирую контейнер.

Я:*Жива. Ем.*

Алек:*Кто спас?*

Я:*Твой брат*.

Ответ приходит не сразу.

Алек:*Проверила срок годности?*

Я смеюсь и едва не роняю вилку.

К половине третьего сводка занимает две страницы. Рид читает ее при мне.

— С цифрами разобралась?

— Да. На дату интервью использовали предварительные данные. Позже их обновили. На основной вывод разница не влияет.

— Хорошо. Исправь сводку и подготовь ответ клиенту по приглашениям. Коротко: что нужно подтвердить перед отправкой. Сначала покажешь мне.

Письмо он возвращает один раз.

— Убери «*снова*». Напиши, что изменилось и к чему это приводит. Без оценки клиента.

Я исправляю. Вторую версию Рид читает без замечаний.

— Отправляй.

За своим столом я перечитываю текст и нажимаю кнопку.

Ничего особенного не происходит. Никто не поздравляет меня с началом самостоятельной работы. Девушка рядом продолжает обсуждать доставку баннеров.

Но письмо в папке «*Отправленные*».

Я выключаю компьютер в то время, когда собиралась, а не на час позже. Исправленная сводка лежит в папке проекта. Завтрашние вопросы записаны отдельно.

У лифта меня ждет Алек.

— Ну что? — спрашивает он. — Все сотрудники целы?

— Сегодня да.

Он заглядывает мне в лицо.

— Ты довольна.

— Мне разрешили отправить письмо.

Алек молчит секунду.

— Самой? Без взрослых?

Я толкаю его локтем. Он смеется.

Вижу уведомление из системы поддержки:

«*Заявка закрыта. Оцените качество обслуживания*».

Ставлю самую высокую оценку.

— Что там? — спрашивает Алек.

— Забираю обратно часть несправедливых суждений об IT.

— Сильный день. Поела, отправила письмо, признала неправоту.

— Не преувеличивай. Только часть.

За стеклом еще светло. По тротуару спешат люди, у светофора собирается толпа. Алек предлагает пройтись до следующей остановки, и я соглашаюсь.

У выхода он придерживает дверь.

— У меня есть предложение.

— Уже страшно.

— Пойдем в бар. Я угощаю.

Я смотрю на него.

— По какому случаю такая щедрость?

— Мы пережили первые дни стажировки. Ты отправила письмо, я не продал ничего, что нам не принадлежит. По-моему, есть что отметить.

— Последнее звучит как довольно низкая планка.

— Не обесценивай мои достижения.

Его смех распространяется по улице, и мы вместе переходим дорогу.

Глава 5

На совещании я сижу ближе к двери.

Не потому, что планирую сбежать. Просто остальные места уже заняты, а ассистенту, судя по всему, не полагается двигать людей ради удобного обзора экрана.

Передо мной распечатка брифа.

Новая выставочная галерея в Сиэтле. Пространство для современного искусства, частных показов и встреч с художниками. Открытие через два месяца.

Пожелание владельца сформулировано коротко: *Хочу, чтобы об этом говорили все.*

Я обвожу слово «ВСЕ».

Очень конкретная аудитория. Мы уже встречались.

— Клиент не хочет обычный вечер с шампанским и речами, — говорит Гаррет, стоящий у экрана. — Ему нужен инфоповод, который выйдет за пределы культурной хроники.

Рид сидит во главе стола. Перед ним только ноутбук. Он не делает записей и пока не задает вопросов.

На первом слайде появляется название: «*Событие, на которое невозможно попасть*».

— Мы строим кампанию вокруг закрытости, — продолжает Гаррет. — Никакого публичного списка гостей. Никакой открытой регистрации. Только слухи о том, кто приглашен.

Он переключает слайд.

На экране имена актеров, музыкантов и несколько фотографий людей, которых я узнаю даже без подписей.

— Через новостные блоги запускаем информацию о закрытом вечере. Дальше появляются сообщения, что эти люди уже приехали. Отмечаем их в публикациях, создаем ощущение события, о котором знают все, но подробностей не знает никто.

Я перестаю делать заметки.

— А само мероприятие? — спрашивает девушка напротив. Вроде ее зовут Анжелика и она занимается соц сетями.

— Пространство оформляем, снимаем детали, короткие видео. Свет, бокалы, музыка. Без общего плана. Присутствие гостей оставляем за кадром.

— То есть гостей не будет?

Гаррет улыбается.

— В этом и идея. Мы продаем не посещаемость, а статус. Когда в списке оказываются все, никто не заинтересован публично объяснять, почему именно его там не было.

Я смотрю на экран. Потом на Гаррета. Потом снова на экран.

Кажется, мое лицо успевает высказаться раньше меня.

— Эва, — говорит Рид.

Поднимаю глаза.

— Поделись.

В переговорной становится тише.

— Чем?

— Тем, о чем ты сейчас подумала.

Я кладу ручку. Можно сказать, что у меня есть вопросы. Но он уже видел выражение моего лица.

Ну, поехали.

— Эта идея была в сериале, — отвечаю я. — Закрытая вечеринка без гостей, на которой якобы побывали все знаменитости. Потом похожую механику использовали агентства. Несколько раз.

Гаррет перестает улыбаться.

— В нашей сфере многое строится на—

Не даю ему закончить отговорку, представленную как аргумент.

— И я не понимаю, как это должно сработать сейчас. Раньше можно было выпустить заметку со списком имен. Сейчас от такого события будут ждать публикаций самих гостей. С разных телефонов, с разными ракурсами. Кто-нибудь обязательно спросит актера о вечере, на котором его не было.

— Мы не говорим, что они—

Снова перебиваю Гаррета и перевожу взгляд на слайд. Имена все еще там.

— Здесь предполагается именно это. И если кто-то опровергнет свое присутствие, в новостях окажется не открытие галереи, а история о том, как она его выдумала.

Рид не меняет выражения лица. Я не знаю, хорошо это или плохо. Он переводит взгляд на Гаррета.

— Откуда концепция?

— Это переработанный подход. Я адаптировал—

— Откуда?

Гаррет судорожно дышит. Никто не двигается. Рид закрывает ноутбук.

— Плагиат неприемлем. Тем более, когда чужую механику приносят на внутреннее согласование как собственную разработку.

— Рид, мы еще не показывали ее клиенту.

— Я был бы расстроен, будь оно иначе.

Гаррет смотрит на него, будто ждет следующего вопроса. Но вопросов больше нет.

— Собери вещи и покинь рабочее место. Кадровая служба свяжется с тобой по оформлению увольнения.

Я чувствую, как мои пальцы покалывает.

— Ты серьезно?

— Да.

Это занимает меньше минуты. Ни повышенного голоса, ни длинной речи. Гаррет забирает телефон со стола, отключает презентацию и выходит. Дверь закрывается слишком громко.

Рид поворачивается к остальным.

— Концепцию переделать. Завтра в одиннадцать встреча с заказчиком. К утру мне нужны варианты, которые можно защитить.

Кто-то уже открывает календарь.

— Возвращайтесь к работе.

Я поднимаюсь вместе с остальными.

— Эва, останься.

Снова сажусь. Теперь до двери совсем близко.

Рид некоторое время смотрит на пустой экран.

Я не нахожу удобного положения для рук. Скрещиваю их на груди. Закрытые позы — зло. Возвращаю обратно на колени.

— Я не хотела, чтобы его уволили, — говорю наконец.

Он переводит взгляд на меня.

— Это не твое решение.

— Но—

— И не твоя ответственность.

Я замолкаю. В коридоре проходят люди. Через стекло видны чужие силуэты, но никто не смотрит внутрь.

— Ты правильно заметила проблему, — продолжает Рид. — Сходство с чужой концепцией, отсутствие проверки механики, риск для репутации клиента. Все по делу.

Похвала не приносит облегчения.

— Но?

— Если критикуешь — предлагай.

— Ты попросил меня высказать мнение.

— Ты его высказала. Теперь у тебя есть возможность сделать следующий шаг.

Я смотрю на него внимательнее.

Рид пододвигает ко мне бриф.

— Предложи свою концепцию открытия.

— К завтрашнему утру?

— Да. С референсами, логикой продвижения и предварительным бюджетом. Не набор красивых картинок. Мне нужно понимать, как это работает.

В животе становится холодно. Потом — неожиданно горячо.

— Если вариант окажется рабочим, поедешь со мной на презентацию, — добавляет он. — И расскажешь клиенту сама.

Я смотрю на обведенное слово «*все*».

— А текущие задачи?

— Перенесем. Это проект — приоритет.

— Ты действительно дашь мне представить идею?

— Если будет что представлять.

Понятно. Здесь хотя бы ничего не обещают без условий.

— Во сколько ты будешь завтра в офисе?

— В восемь.

— Хорошо.

Первый час я трачу на идеи, которые не нравятся мне самой.

Закрытый ужин с художниками. Ночной показ. Выставка с дополненной реальностью. Красиво. Возможно, дорого. Возможно, уже было вчера.

Я открываю фотографии галереи и план помещений. Широкие окна на улицу. Несколько выставочных залов. Центральное пространство под высоким стеклянным куполом. Небольшой внутренний двор.

Потом смотрю работы художников, заявленных на первый сезон. Городские отражения. Геометрия. Тело в движении. Портреты. Свет и память. Я возвращаюсь к фотографии фасада.

Галерея хочет, чтобы о ней говорили все. Значит, начинать нужно не за закрытой дверью.

После обеда у меня появляется название: «*Сотворяя мгновение*».

В день открытия галерея меняет привычный вечерний маршрут города. С наступлением сумерек в ее окнах оживают работы художников: не случайные анимации поверх фасада, а специально подготовленные цифровые продолжения выставки. Отражения, линии, цвет.

Люди на улице видят их бесплатно. Внутри гости проходят через несколько пространств, каждое из которых по-разному раскрывает тему города и света.

На входе — инсталляция, реагирующая на движение. Не просто фон для фотографии: световой след ненадолго остается после человека, соединяясь со следами других гостей.

Человек еще не успел снять верхнюю одежду, а уже что-то изменил.

В основном зале — сама выставка. Без перекрывающих ее декораций и экранов. Здесь не нужно соревноваться с музыкой или ждать, пока закончится выступление, чтобы рассмотреть работу. Искусство остается причиной, по которой все происходит. А в соседних залах появляются дополнительные события — небольшие живые продолжения экспозиции.

Среди городских пейзажей выступает певица. Камерный голос, мягкий свет, музыка, напоминающая звуки ночного города.

В зале геометрической абстракции проходит короткий показ коллекции местного дизайнера, созданной вместе с художником. Линии с полотен продолжаются в крое и ткани.

Рядом с работами о движении тела — танцевальная группа. Несколько коротких выступлений за вечер, после которых пространство снова затихает.

В портретном зале — фотобудки с художественным светом. Гости получают собственный снимок, связанный с визуальным языком экспозиции, а не просто фотографию на фоне логотипа.

Под куполом — интерактивный театр. Актер собирает из ответов зрителей небольшую историю о городе и памяти.

В течение вечера художник создает большую работу из цветовых импульсов, выбранных посетителями. Каждый оставляет небольшую часть, но результат нельзя увидеть заранее. Кто-то участвует сразу. Кто-то возвращается после выставки. Чужие решения соединяются, меняют друг друга, постепенно становятся чем-то цельным.

В финале, когда работа завершена, ее цифровая версия появляется в окнах галереи. Снаружи ее видят прохожие. Внутри — люди, которые участвовали в ее создании.

Один момент. Два ракурса. Настоящие гости, настоящая реакция. *Они не просто были на открытии. Они сделали то, что на нем появилось.*

Вот теперь у вечера есть не только программа. У него есть собственная история.

К пяти часам у меня готовы схема залов и первая версия программы.

К семи становится понятно, что все выступления нельзя запускать одновременно.

К девяти офис пустеет. За стеклом кабинета Рида темно. Коллеги давно разошли

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.